

Билык М.П.

«НЕ УСТАНУ ВОСПЕВАТЬ ВАС, ЗВЁЗДЫ»: ОБРАЗ ЗВЁЗД И НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ В «КРЫМСКИХ» ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.А. БУНИНА

Актуальность темы. В последние годы проявляется значительный интерес к творчеству писателей и поэтов, живших или бывавших в Крыму, для которых прекрасная крымская природа долгие годы служила источником творческого вдохновения.

Крым, без преувеличения, явился мощным катализатором в процессе формирования творческих принципов и философской переориентации великого русского писателя И. Бунина. А крымская природа, так отличающаяся от природы среднерусской полосы с её «бескрайней и монотонной равниной и редкими деревянными избами, вызывающими в Бунине тоску» [2, с. 23], не только побудила писателя к написанию нескольких поэтических произведений, как об этом пишут в своих монографиях Ю. Мальцев и О. Михайлов, но и, по нашему мнению, изменила его мировосприятие. Впервые увидев море, горы и грандиозную панораму восходящего солнца с Байдарского перевала, И. Бунин задумывается о величии природы и месте в ней человека, что в дальнейшем определяет его мироощущение, которое О. Сливичка очень точно, на наш взгляд, называет «космическим» [11, с. 53].

Уже после первого посещения Крыма в бунинских пейзажах, в которых изображение неба играет важнейшую роль, можно наблюдать «чародейства света и цвета». Небесная тема в пейзажах писателя представлена двумя контрастными полюсами: днём, полным красок и света, людей и звуков, и ночью, когда природа замирает, и человек остаётся один на один со своими мыслями и чувствами.

Ночь – настолько важный в миропонимании писателя образ, что во многих произведениях в определённом контексте И. Бунин пишет слово «Ночь» с большой буквы, наряду со словами «Вечность», «Смерть», «Душа», «Бог».

Картина, изображающая ночное небо в произведениях И. Бунина, не может быть полной без звёзд и небесных светил, ставшими любимыми поэтическими образами писателя.

Целью статьи является анализ образа звёзд и небесных светил в «крымском» творчестве И. Бунина.

Научная новизна данной работы заключается в том, что подобное исследование на материале «крымского» наследия И. Бунина проводится впервые.

Звёзды и различные ночные светила занимают важное место в образной системе И. Бунина.

Звёзды влекли его с детства. В своих мемуарах В. Муромцева-Бунина пишет, что И. Бунин, восхищаясь красотой ночи, не раз вспоминал своё детское желание, просьбу к матери «дать поиграть со звездой, которую он уже запомнил, видя её из своей кровати» [8, с. 28]. В своём творчестве И. Бунин часто будет обращаться к этому эпизоду. Так, в стихотворении 1901 года находим следующие строки:

Не устану воспевать вас, звёзды!
Вечно вы таинственны и юны.
С детских лет я робко постигаю
Тёмных бездн сияющие руны.
В детстве я любил вас безотчётно, –
Сказкою вы нежною мерцали [3, 1, с. 113].

В стихотворении «Летняя ночь» (1912) возникает «образ милый» матери писателя, умершей двумя годами ранее:

«Дай мне звезду, – твердит ребёнок сонный, –
Дай, мамочка...» Она, обняв его,
Сидит с ним на балконе, на ступеньках,
Ведущих в сад [3, 1, с. 268].

Об этом своём детском впечатлении И. Бунин будет вспоминать неоднократно. Так, в стихотворении, написанном в 1926 году в Париже, писатель вспомнит «молчаливый зимний Крым» и «чужой, тяжёлый Чатырдаг». Мелькающая в «зелёном небе» «золотая звезда» побуждает И. Бунина задать вопрос – «Кому горит она, блистая?» – и ответить на него:

Она горит душе моей,
Она зовёт, – я это знаю
С первоначальных детских дней, –
К иной стране, к родному краю [3, 1, с. 41].

Этот эпизод, по нашему мнению, найдёт своё отражение и в романе «Жизнь Арсеньева»: «Я лежал в тёмной спальне в своей детской кровати, всё глядела на меня в окно, с высоты, какая-то тихая звезда... Что надо было ей от меня? Что она мне без слов говорила, куда звала, о чём напоминала?» [3, 5, с. 10].

Любование звёздным небом и увлечение звёздами останутся у И. Бунина на всю жизнь. Г. Кузнецова запишет 1 октября 1930 года в своём дневнике: «Шли по ницкой дороге. Была чистая луна, много звёзд. “Вот если бы Коля (племянник И.А. – Пушешников) был с нами, он бы нам всё показал и рассказал о звёздах с присовокуплением разных легенд о них”, – сказал И.А.» [6, с. 172].

В этом же году И. Бунин пишет рассказ «Звёзды», в котором старик-пастух Жан совершает вместе с героем рассказа увлекательную «прогулку по звёздам» и рассказывает удивительные истории и легенды о них [3, 4, с. 619].

В. Калинин, на наш взгляд, верно отмечает, что «наблюдать звёзды, наслаждаться их видом, пытаться понять «силы небесные», кроме, разумеется, исследователей-астрономов и практиков-мореплавателей, мог

только человек, в звёздное небо влюбленный, постоянно обращающий взгляд на него, причём не только дома, в России, а в любой (куда бы ни забрасывала судьба) точке Земли, обладающий и пылкостью, и особыми свойствами органов чувств. Недаром ведь писал Бунин об Арсеньеве, а значит о себе: «...зрение у меня было такое, что я видел все семь звёзд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша или старой книги» [5, с. 13].

И. Бунин воспринимал звёздное небо и как неотъемлемую часть пейзажа, и как знак холодной Вечности, но чаще всего как символ недоступной человеку божественной тайны:

Отчего ты печально, вечернее небо?
Оттого ли, что жаль мне земли?
Что туманно синее безбрежное море
И скрывается солнце вдаль? [3, 1, с. 72].

Бесчисленные безответные вопросы задаются автором в поисках ответа на глобальный вопрос о смысле жизни, суть которого заключена в слиянии «прекрасного и тайного», «одной любви с любовью всех времён» [3, 1, с. 389].

Звёздная тема – одна из любимых тем писателя, а космонимия – один из наиболее частотных разрядов поэтонимов в «крымских» произведениях писателя. Так, среди 78 проанализированных нами «крымских» поэтических произведений И. Бунина в 22 стихотворениях упоминается о небесных светилах, среди которых можно встретить 10 собственных имён небесных объектов (названий планет, спутников планет, звёзд и созвездий). Это Юпитер, Марс, Луна (Селена), Вега, Орион, Плеяды, Млечный Путь. Наиболее часто И. Бунин использует образы луны (11 раз) и звезды (12 раз) как символы ночи, а также их производные: «лунный» и «звёздный» («лунный свет», «лунный блеск», «лунный путь», «звёздный свет», «звёздное небо», «звёздный небосклон»).

«Звёздная тема» нарастает в творчестве И. Бунина с середины 90-х годов. И если в ранних «крымских» произведениях И. Бунина звёзды и другие небесные светила воспринимаются как элементы ночного крымского пейзажа, то в дальнейшем писатель использует их в качестве неотъемлемого компонента, помогающего понять внутреннее состояние человека. Так, в ранних стихотворениях, датированных 1895–1896 годами, звёзды – необходимые детали ночного пейзажа:

Поздний час. Корабль и тих и тёмный,
Слабо плещут волны за кормой.
Звёздный свет да океан зеркальный –
Царство этой ночи неземной... [3, 1, с. 67],

...Над свалившеюся тучей,
Как над чёрной грозной кручей,
Звёзды блещут серебром... [3, 1, с. 66],

Поздно, склонилась луна,
Море к востоку черно, тяжело,
А под луною, на юг,
Блещет оно, как стекло... [3, 1, с. 74].

В стихотворениях, написанных И. Буниным несколькими годами позже (1901–1903 год), к тому времени, когда автор пережил не одну личную драму, звёздное небо выступает уже не только как часть пейзажа, но и в качестве собеседника, внимательного слушателя исповеди лирического героя:

Жадно и долго стремился я, звёзды,
К вам, в вышину...
Что же я встретил? Нагие граниты,
Сумерки, страх, тишину... [3, 1, с. 167],

...Когда вдоль корабля, качаясь, вьётся пена
И небо меж снастей синее в вышине,
Люблю твой бледный лик, печальная Селена,
Твой безнадежный взор, сопутствующий мне [3, 1, с. 116].

Со временем взаимоотношения писателя со звёздным небом меняются. Вначале намечается, а позднее всё более ощутимым становится противопоставление «земного» и «небесного» (причём доминирующего ночного), однако за звёздами сохраняется право представлять позитивные явления. Это можно наблюдать в стихотворениях, датированных 1896, 1898, 1901 годом (соответственно):

...Одно только звёздное небо,
Один небосвод недвижим,
Спокойный и благостный, чуждый
Всеми, что так мрачно под ним [3, 1, с. 68],

...Там, под усталой луной,
У позлащённых камней и песков,
Чудища моря ползут,

Двигается много голов... [3, 1, с. 74],

...Я вижу ночь: пески среди молчанья
И звёздный свет над сумраком земли... [3, 1, с. 389].

Антитеза (свет – тьма) сопряжена со сложными человеческими эмоциями. Сияние светил сопутствует прекрасным чувствам, состоянию влюблённости героя:

...И не забыть мне этой ночи звёздной,
Когда весь мир любил я для одной... [3, 1, с. 390],
...Слезю светлой блещет надо мною
Звезда весны за чашей кружевною...
Как я любил тебя! [3, 1, с. 103].

Интересно, что тема звёзд и ушедшей любви чаще встречается в стихотворениях 1901 года. Это было время, когда И. Бунин часто приезжал в Крым и подолгу жил здесь, спасаясь от одиночества, время разочарований и воспоминаний о пережитых чувствах. Так, в стихотворении «Не устану воспевать вас, звёзды...», написанном в том же, 1901, году, писатель говорит о том, что только со звёздами, которых «не устанет воспевать», он «делил надежды и печали», и только между звёздами он ищет «образ милый» [3, 1, с. 113].

Необыкновенно богата красочная палитра, которой пользуется И. Бунин для изображения звёздного крымского неба. В этой связи, художник и писатель П. Нилус, с которым был дружен И. Бунин, заметил, что в ранних стихах «про звёзды только и нашёл сказать молодой поэт, что они «мерцают» <...> Только позже узнал И. Бунин, что дни бывают голубые, золотистые, а ночи и сумерки богаче красками, чем дни» [9, с. 430].

Ещё одним постоянным объектом ночного неба у И. Бунина является Луна, которую И. Бунин называет по-разному: «печальная Селена», «золотой диск», «месяц полный», «небесный беглец».

Следует отметить, что в славянской мифологии Луна характеризуется как «небесное светило, устойчиво ассоциирующееся в народных представлениях с загробным миром, с областью смерти и противопоставленное Солнцу как Божеству дневного света, тепла и жизни» [10, с. 245]. В «крымских» поэтических произведениях И. Бунина образ Луны чаще навеивает грусть, а сама она характеризуется писателем как «усталая», «багряная печальная», «прозрачная и бледная» с равнодушным «бледным ликом» и «безнадёжным взором». Реже Луна вызывает чувство спокойствия и умиротворения: «спит море под луною ясной» [3, 1, с. 136], «тёплый лунный свет позолотил холмы и мысы» [3, 1, с. 145], «час мёртвой тишины – уж клонит луна свой лик» [3, 1, с. 145]. В некоторых случаях Бунин видит в Луне не космический, а мифологический объект:

Люблю твой бледный лик, печальная Селена,
Твой безнадёжный взор, сопутствующий мне... [3, 1, с. 116].

На протяжении всей жизни писатель будет обращаться к своему раннему творчеству и в поисках более точного слова делать различные правки. Как верно отметил О. Михайлов, процесс поздней правки похож на действия художника, который «подошёл к старой картине, тронул здесь и там чуть-чуть», и произошло чудо искусства: «старое полотно засветилось новым светом» [7, с. 313]. Так, в стихотворении «Багряная печальная луна» И. Бунин первоначально сравнивает Луну с «допотопной лилией». В более поздней редакции он заменяет название цветка. Луна становится похожа на «допотопную розу». Это создаёт более точный образ багряной луны, висющей над болотом, в красном сумраке.

Символика тандема: «лунная поверхность – зеркало души» близка многим русским поэтам. И. Бунин, обращаясь к символу луны, часто соотносит её с человеческой жизнью, растворившейся в непостижимой Вечности:

И погляди на небосклон:
Луна стоит, а дым мелькает...
Не время в вечность убегает,
А нашей жизни бледный сон [3, 1, с. 144].

Следующим из наиболее часто упоминаемых И. Буниным космических объектов является Вега. В стихотворении «В крымских степях» находим следующие строки:

Синеет снеговой простор,
Померкла степь. Белее снега
Мерцает девственная Вега
Над дальним станом крымских гор [3, 1, с. 137].

Интересен, по нашему мнению, эпитет, который использует И. Бунин для характеристики Веги. «Девственный» значит «целомудренный, чистый, невинный, непорочный» [12, с. 116]. Из перечисленных синонимов ближе всех синоним «чистый», который в данном контексте теряет значение «невинный» и приобретает значение цвета: чистый – белый. Значит, эпитет «девственный» усиливает чистый блеск Веги, которая «белее снега».

Известно, что звёзды различны по своей яркости или, как говорят астрономы, по своему блеску, и цвет звёзд, который человек воспринимает глазом, может быть разным: белый, зеленоватый, голубой, красный. Цвет и блеск звёзд зависит от их звёздных величин. Звёзды первой звёздной величины светят ярким белым цветом. К ним относится и звезда Вега – самая яркая звезда северного полушария неба [4, с. 330]. Вот почему у И. Бунина Вега «девственная». Эпитет «девственный» значит более чем белый. Этот эпитет мы встречаем и в рассказе «Сосны», написанном в Крыму в 1901 году («девственно-белый, пушистый

косогор)), и в рассказе «Новый год», в котором также звучат крымские мотивы: «Из гостиной виден был весь сад и белоснежная равнина под звёздным небом, – каждый сугроб чистого, девственного снега, каждая ёлочка среди его белизны» [3, 2, с. 226].

Характерны сравнения у И. Бунина небесных светил с самоцветами и драгоценными металлами: «...закат в огне, звезда дрожит алмазом» [3, 1, с. 123], «по гребням волн засеребрился дрожащий отблеск – лунный путь» [3, 1, с. 137], «тёплый лунный свет позолотил холмы и мысы» [3, 1, с. 146], «катится диском золотым луна в провалы тёмной тучи» [3, 1, с. 144].

Звёздное небо для И. Бунина – символ недоступной человеку божественной тайны. Поэтому рядом с упоминанием о звёздах появляются слова, связанные с идеей тайны:

Как письмена, мерцают в тверди синей
Плеяды, Вега, Марс и Орион.
Люблю я их течение над пустыней
И тайный смысл их царственных имён! [3, 1, с. 389],

...В тишине глубокой сторожат
Час полночный звёзды над морями
И в морях таинственно дрожат... [3, 1, с. 67].

Необычны, по нашему мнению, мотивы отражённого ночного неба – «ночного подводного неба». Такие явления в их зрительном восприятии передают сложные попытки человека постичь далёкие таинственные миры. Когда «звёзды глядят из тёмных вод», «Равнина вод над горизонтом млеет, и в ней луна столбом отражена», «звёздный блеск висит под нами – в мутной / Бездонно-фосфорической пыли», дрожа у берега, рождается «жутко хорошее» чувство сближения с глубинами неба. «Звёздное зеркало волн морских» становится «божественным отблеском незримого» – космоса, к которому можно прикоснуться рукой.

И. Бунин воспринимал звёздное небо не только как божественную тайну, но и как знак холодной Вечности. Об этом он достаточно ясно пишет в книге «Освобождение Толстого». Анализируя книгу М. Алданова «Загадка Толстого», писатель обращает внимание на начало – цитату из Канта: «Две вещи наполняют мой дух вечно новым и всё большим благоговением – звёздное небо надо мной, нравственный закон во мне». М. Алданов утверждал, что первая часть формулы – звёздное небо – в Л. Толстом возбуждало лишь «презрение к профессорам, занятым изучением химического состава Млечного пути», что Л. Толстой «для преодоления науки» привлекает себе на помощь «точку зрения вечности». «И что же такое “точка зрения вечности”, как не “звёздное небо надо мною”?» – задаёт Бунин вопрос [3, 6, с. 140–142].

Во многих «крымских» произведениях писателя находим многочисленные примеры, подтверждающие мысль о том, что звёздное небо у И. Бунина всегда ассоциировалось с холодной и непостижимой Вечностью:

И погляди на небосклон:
Луна стоит, а дым мелькает...
Не Время в вечность убегает,
А нашей жизни бледный сон [3, 1, с. 144],

...Как ныне я, мирьяды глаз следили
Их древний путь. И в глубине веков
Все, для кого они во тьме светили,
Исчезли в ней, как след среди песков... [3, 1, с. 389].

В рассказе «В ночном море» «мелкие скромные звёзды» становятся безучастными свидетелями человеческой трагедии, разыгравшейся на корабле. «Звёздный узор неподвижно стоял в вышине» [3, 4, с. 255], кажется, что для героев рассказа время навсегда остановилось. Жизнь человека под вечным и бескрайним звёздным небом коротка и мимолётна.

Ю. Айхенвальд в своей статье о И. Бунине писал: «Так всё проходит, и “прибрежья, где бродили тавроскифы”, уже не те, но в вечности любви опять сливаются разлученные веками поколения, и на те же, на прежние звёзды смотрят и ныне любящие женские глаза. И ночью, космической ночью, всё море насыщено тонкою пылью света... И даже когда мы сторим, в нас не умрёт наша вечная жизнь, и свет избранников, теперь еще “незримый для незрящих”, дойдёт к земле через много, много лет, подобно тому как звёзды – неугасимый свет таких планет, которые сами давно померкли. И, может быть, не только избранники, но и все мы – будущие звёзды» [1, с. 425].

Выводы. Таким образом, звёзды и различные далёкие небесные светила в «крымских» произведениях И. Бунина являются не только неотъемлемыми элементами прекрасного крымского пейзажа и «божественного великолепия мира», которое постоянно ощущал писатель, но и частью недоступной человеку тайны мира, частью холодной и непостижимой Вечности.

Источники и литература

1. Айхенвальд Ю. Иван Бунин // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. – М.: Республика, 1994. – С. 419–436.
2. Андрианов И.Ю. Поэзия И.А. Бунина начала 1900-х годов: Концепция действительности: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Одесса, 1990. – 17 с.

3. Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Худ. лит., 1987–1988.
4. Зигель Ф.Ю. Мир небесных тел // Детская энциклопедия: В 10 т. – Т. 2. – М.: Изд-во Академии пед. Наук, 1962. – С. 327–337.
5. Калинин В.М. «Тайный смысл их царственных имён» // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 8. – Донецк: Донеччина, 2002. – 212 с.
6. Кузнецова Г. Грасский дневник. – М.: Московский рабочий, 1995. – 410 с.
7. Михайлов О.Н. Строгий талант. – М.: Современник, 1976. – 278 с.
8. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. – М.: Сов. писатель, 1989. – С. 5–22.
9. Нилус П.А. Ив. Бунин и его творчество // Литературное наследство. – Т. 84: Иван Бунин. – Кн. 2. – М.: Наука, 1973. – С. 429–435.
10. Славянская мифология. – М.: ЭЛЛИС ЛАК, 1995. – 451 с.
11. Сливичкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. – М.: Российск. гуманит. ун-т, 2004. – 269 с.
12. Словарь синонимов. – Л.: Наука, 1975. – 648 с.

Джапарова Э.К.

ТЕОРИЯ ПОЭЗИИ РОБЕРТА ГРЕЙВСА

(на материале книги «Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии»)

“Его главная книга «Белая Богиня», претендующая на роль первой грамматики поэтического языка, на самом деле – великолепный миф, то ли отысканный Грейвсом, то ли Грейвсом придуманный”.

Он хотел вернуть поэзию к её магическим истокам”.

Хорхе Луис Борхес

Необычайный интерес к мифу, возродившийся в конце XIX и начале XX века, способствовал появлению целого ряда мифокритиков, исследования которых затрагивают сложные вопросы, связанные с важнейшими современными литературоведческими проблемами. Наиболее известными и влиятельными в этот период оказались мифокритические труды о происхождении и предназначении поэзии известного английского поэта-мифолога Роберта Грейвса. Несмотря на то, что творчество Роберта Грейвса очень популярно за рубежом, в отечественном литературоведении нет пока более или менее полного исследования мифокритической системы поэта в единстве основных её параметров. Более того, до сих пор нет работы, освещающей мифокритику Роберта Грейвса с разных сторон – не только комментирующей, но и обобщающей.

Цель данной статьи – охарактеризовать особенности мифопоэтической критики Роберта Грейвса, а также его концепцию происхождения, предназначения и развития поэзии.

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью исследования как в теоретическом, так и в историко-литературном аспектах одной из магистральных проблем современного литературоведения – взаимодействия мифа и литературоведения. Знание оригинального использования мифологического символа в критическом творчестве выдающегося английского литератора обогащает наше представление об особенностях творчества Роберта Грейвса и знакомит с важнейшими тенденциями в английской литературе XX века. Материалы данного исследования могут быть использованы в практике преподавания общих курсов по истории зарубежной литературы XX века, истории английской литературы того же периода, теоретических спецкурсов и спецсеминаров по истории литературно-критической мысли современной английской литературы по вопросу мифологизации в английском модернизме.

Роберт Грейвс (1895 – 1985) не только выдающийся английский поэт, фольклорист, знаток античной культуры, фольклора, но и автор многочисленных критических произведений, составляющих основу его мифопоэтической концепции.

В отечественной литературе творчество Роберта Грейвса исследовано недостаточно. Из украинских учёных больше других писал о Роберте Грейвсе А.С.Козлов. Мифокритические взгляды Роберта Грейвса анализируются в следующих его работах: «Мифологическое направление в литературоведении США» (1984), «Литературоведение Англии и США XX века» (1994), «Литературоведение Англии и США XX века» (2004). А. С. Козлов считает, что именно благодаря Роберту Грейвсу англо-американское мифологическое литературоведение «вышло из узких рамок академизма» [6, с. 23]. Он указывает, что Роберт Грейвс является первым мифокритиком, который в своих исследованиях в начале 20-х годов попытался решить проблемы поэзии при помощи нового метода. Это метод заключается в том, что в фундаментальном исследовании «Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии» (1948) он «выдвинул оригинальную теорию генезиса и развития поэзии» и поставил эту теорию в «прямую» зависимость от определённого цикла мифов и верований, «связанных с обожествлением луны» [5, с. 76]. Далее Козлов обращает внимание на односторонность концепции Роберта Грейвса, основанной на учении Дж. Фрейзера, и считает, что Роберт Грейвс в книге «Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии» перемешивает литературный анализ с религиозным и магическим.

Оригинальность Роберта Грейвса подчёркивает и писатель Хорхе Луис Борхес. Его «серия разнородных книг – библиотека симпатий», включает разные заинтересовавшие его книги, среди которых достойное место в этой «Личной библиотеке Борхеса» занимает сборник «Роберт Грейвс. Белая Богиня: Избранные главы/Предисловие Х.Л. Борхеса» (2000). В этот сборник автор включил заинтересовавшие его